

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2017

Ростов
2018

О грамотности жителей Ярославля в XVII веке: попытка гипотезы

Д. Ф. Полознев

Многочисленные известия о грамотности жителей Ярославля XVII в. давно нуждаются в приведении в единую систему знаний. К сожалению, состояние вопроса таково, что в настоящее время можно лишь пытаться построить рабочую гипотезу о состоянии грамотности горожан и начать ее последовательную проверку.

Знание о грамотности позволит существенно дополнить представление об уровне социально-экономического и культурного развития города, население которого в XVII в. сделало грандиозный рывок в области торговли, ремесленного производства, каменного зодчества, иконописного искусства и литературного творчества, осуществило мощную внешнюю экспансию, обозначив свое деятельное участие в жизни разных областей страны и в столице. Несомненна связь «культурного взрыва» XVII в. с уровнем грамотности населения, поскольку и производство, и потребление духовной пищи, которую порождает город, обеспечивалось не только активностью отдельных творцов, но и вовлеченностью широких слоев населения. Вслед за картиной грамотности можно вывести сведения о духовных ценностях и мотивациях деятельности горожан.

В прикладном значении сведения о грамотности ведут к выявлению и установлению имен писцов, переписчиков и иных лиц, чьи занятия и профессии были связаны с книгой, письмом, чтением, обучением грамоте, что в свою очередь может дать ключи, например, к выявлению авторов (составителей) ныне безымянных сочинений.

Что может пониматься под грамотностью в контексте нашего исследования? Определение грамотности как владение навыками устной и письменной речи в соответствии с нормами литературного языка не вполне подходит к рассматриваемому периоду, потому что таковая норма еще не сложилась. Нам ближе следующее значение – умение только читать или читать и писать простейшие тексты. Видимо, этот минимум и следует принять как критерий отнесения ярославцев XVII столетия к грамотным людям.

Исследований данного вопроса применительно к средневековому Ярославлю нами не выявлено. Между тем, есть работы с упоминаниями о грамотности горожан в Древней Руси в контексте истории педагогики, образования и воспитания¹, которые

¹ Ганина С. А. Религиозные и светские аспекты образования и воспитания детей в средневековой Руси: историко-педагогический и социально-философский анализ

дают представление о состоянии изученности темы. Так, многие современные авторы ссылаются на дореволюционный труд А. И. Соболевского «Образованность в Московской Руси XVI–XVII веков» (СПб., 1892), отмечая, например, его вывод о поголовной грамотности духовенства² или о 15 % грамотных крестьян в составе сельского населения³. Есть исследования о понятийном аппарате древнерусской педагогики⁴, о возрастной периодизации⁵, упоминания о первых школах XVII в.⁶, о грамотности крестьянства в более поздний период⁷, что нередко рассматривается как некий аналог уровню грамотности в средние века. Источниковедческие исследования говорят в пользу грамотности отдельных категорий населения, например, таможенных служащих⁸; вопросы грамотности находят отражение в исследованиях о женском чтении⁹; как индикатор образованности отмечаются владельческие надписи на книгах¹⁰. Ближе всего к теме подошли авторы исследования о книжных покупках ярославцев¹¹, но работ, полностью посвященных какому-либо отдельному феномену грамотности

// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 66–73; *Смирнов В. И.* Церковно-учительная литература как источник историко-педагогических знаний о развитии образования и педагогической мысли в средневековой Руси XI–XVII вв. // Историко-педагогический журнал. 2011. № 1. С. 81–88.

- ² *Лешиков В. Н.* Состояние образования в Псковском крае XVIII – первая четверть XIX в. // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. Псков, 2009. № 30. С. 125.
- ³ *Копанев А. И.* Волостные крестьянские библиотеки XVI–XVII вв. // Русские библиотеки и их читатель. Из истории русской культуры эпохи феодализма. Л., 1983. С. 69.
- ⁴ *Рыжов А. Н.* О становлении основных педагогических понятий в России (XI–XVII вв.) // Вопросы образования. М., 2008. С. 217–236.
- ⁵ *Филиппова Г. Г., Василенко Е. В.* О возрастной периодизации детства в средневековой Руси // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 277–286.
- ⁶ *Пятнов П. В.* Образовательное пространство России: первые учебные заведения. Очерк о формировании образовательного пространства России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 3. С. 108.
- ⁷ *Буганов А. В.* О грамотности и чтении русских крестьян XIX – начала XX в. // Преподаватель XXI век. 2008. Вып. 2. С. 50–57.
- ⁸ *Кистерев С. Н.* К оценке профессиональной подготовленности таможенных служащих XVII века // Вестник «Альянс-Архео». СПб., 2014. Т. 6. С. 3–8.
- ⁹ *Сокольская Л. В., Руссак З. В.* О приобщении к литературе древнерусских женщин знатного происхождения // Вестник культуры и искусств. Челябинск, 2012. № 1. С. 22–29.
- ¹⁰ *Скуро П. Д.* Владельческие записи на книгах как источник по истории чтения и пользования книгой в России XVI–XVII вв. // Время науки. 2014. № 1. С. 31–36.
- ¹¹ *Пушков В. П., Пушков Л. В.* Книжные покупки города Ярославля на Московском печатном дворе в первой половине 1660-х гг. (по Архиву Приказа книгопечатного дела) // 450 лет «Апостолу» Ивана Федорова: история раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения). Международная научная конференция. Москва 13–14 марта 2014 г. М., 2014. С. 359–367.

(территории, возрастной или социальной группы), нами не выявлено¹².

В общем виде гипотеза о грамотности жителей Ярославля представляется следующим образом: значительная доля населения города в XVII в. была грамотной, т.е. люди умели читать, писать и считать.

Предпосылки этой гипотезы многочисленны и вполне убедительны. Есть ряд прямых свидетельств грамотности горожан. Это – записи конкретных лиц на книгах, личные подписи в документах, указания на составителей или переписчиков сочинений в самих текстах.

Довольно много косвенных свидетельств. Среди них – бытование многочисленных текстов в публичных пространствах (тексты в росписях храмов, надписи на предметах церковной утвари¹³, надгробиях¹⁴; приходские книги и документы¹⁵) и личном обиходе. О чтении книг свидетельствуют пометы в текстах¹⁶. Известно немалое число покупок и продаж книг (особенно азбук), продажа бумаги¹⁷. Развитые торгово-промышленные и имущественные отношения требовали документального оформления в виде письменных текстов (договоров, завещаний, свидетельств и проч. с подписями сторон), чему имеются примеры. Религиозная жизнь – а в Ярославле XVII в. она была особенно активной – предполагала регулярное чтение, а значит – грамотность. Несмотря на плохую сохранность письменных источников, совокупность известий показывает насыщенность городской среды сочинениями местного происхождения: их составляли и переписывали, а значит – читали.

Вместе с тем, к трудностям изучения грамотности относится отсутствие некоего единого (или однотипного) корпуса источников, который бы

¹² Нами был сделан обзор ресурсов научной электронной библиотеки «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>), которые, конечно, не являются исчерпывающими, но дают некий актуальный и вполне репрезентативный срез публикаций, позволяющий судить об основных тенденциях исследований в этой области.

¹³ См., напр.: *Игошев В. В.* Ярославское художественное серебро XVI–XVIII вв. М., 1997; Надпись на колоколах ярославской Николо-Надеинской церкви // ЯГВ. Ч. неофиц. 1857. № 22. С. 166.

¹⁴ См., напр.: *Анкудинова Е. А.* «Надгробный памятник гласит...» // Экспонаты музея рассказывают. Ярославль, 1989. С. 115–121; *Лествицын В. И.* Надгробные надписи Спасо-Ярославского монастыря. Ярославль, 1877.

¹⁵ См., напр.: *Полознев Д. Ф.* Документальный корпус ярославского прихода XVII века // XIV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2009. С. 15–42; *Он же.* К истории библиотеки ц. Ильи Пророка в Ярославле XVII в. // Книжная культура Ярославского края: материалы научной конференции (Ярославль, 12–13 октября 2010 г.). Ярославль, 2011. С. 119–141.

¹⁶ *Смирнов Я. Е.* Библиотека ярославских купцов Лыткиных в первой половине XVII века (Проблемы историографического и источниковедческого изучения) // Чтения по истории и культуре древней и новой России: материалы конф. (Ярославль, 7–9 окт. 1998 г.). Ярославль, 1998. С. 87–102.

¹⁷ *Турилов А. А.* Дополнения к историко-культурной хронике Ярославля XVII – первой трети XVIII века // Книжная культура Ярославского края: материалы науч. конф. (Ярославль, 13–14 окт. 2009 г.). Ярославль, 2010. С. 25–38.

мог быть положен в основу исследования. А потому, чтобы получить надежные результаты и объективную картину, требуется сведение воедино большого числа разнородных известий на основе некоей рабочей гипотезы. Попытке подойти к построению такой рабочей гипотезы и посвящена настоящая работа.

Нет пока и надежных инструментов верификации известий о грамотности. Например, подписи под документами или вкладные надписи типа «подписал» или «руку приложил» могут означать как личную подпись, так и подпись доверенным лицом в отличие, например, от «подписал своею рукою». Возможно, что обе формулы означают грамотность, но и это следует еще доказать. Данное сомнение, кажущееся преувеличенным, вызвано известием о грамотности некоего Афанасия Хлебникова во вкладной записи на книге, где сказано, что «он грамоте умеет, а писать не умеет»¹⁸. Кроме того, подлинники многих документов утрачены, и пользоваться приходится их публикациями, которые не передают всех необходимых деталей, важных для источниковедческого анализа.

Разные периоды истории города могут давать совершенно различную картину грамотности как в силу понятных различий между ними (например, послевоенное разорение или период подъема), так и в силу состояния источников. Неизученность других вопросов истории города, например, семейных отношений, демографии города, истории детства и т.п., которые определенно влияли на развитие грамотности, также препятствуют работе.

Но даже знание тех или иных значимых фактов и явлений не дает еще ключа к обоснованным выводам и заключениям. Например, известно о бытовании большого числа книг, но мы мало что знаем об их читателях. Установлено, что в городе составлялось много рукописей, но не известно, кто их писал или переписывал. Многочисленные тексты в иконописных изображениях, каковых сохранилось множество и которые могут свидетельствовать о грамотности прихожан, направлены все-таки на зрителя, а не на читателя. Владельческие записи, которые могли бы говорить в пользу грамотности владельца, нередко указывают на то, что книга приобреталась не для владения или чтения, а для вклада в церковь. То же касается большого числа известий о покупках новых книг на Печатном дворе. Их покупали для перепродажи, а свидетельств грамотности торговцев при этом не отмечено.

Таким образом, проблемой в изучении грамотности жителей средневекового Ярославля выступает фрагментарность многочисленных известий, преимущественно косвенных, которые можно рассматривать как свидетельства грамотности и которые при этом имеют слабую доказательность для утверждения о том или ином уровне грамотности или для определения доли грамотных среди жителей.

Какова источниковая база исследования?

¹⁸ Там же. С. 35.

В первую очередь, это — значительное само по себе количество печатных и рукописных книг, бытовавших в городе¹⁹. Оно свидетельствует о разнообразии репертуара, устойчивом производстве книг (конечно, рукописей, среди которых встречается и переписка печатных книг) и о количестве книг в обращении как индикаторе их вероятной востребованности. Важно отметить, что кроме церковных текстов встречаются сочинения светского характера: например, храмовые летописи²⁰ и даже сборник песен²¹. А недавно были обнаружены надписи, вероятно, светского назначения, на стенах цокольного этажа «Дома общества врачей»²².

Покупка на Печатном дворе в Москве большого числа вновь вышедшего Соборного уложения определенно указывает на утилитарно-прикладную нацеленность ярославского читателя. В пользу распространения грамотности говорит покупка большого числа новых азбук²³.

Много информации содержат владельческие или вкладные записи на книгах. По ним устанавливаются конкретные грамотные лица, определя-

¹⁹ См., напр.: Лукьянов В. В. Собрание рукописей Ярославского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 472–478; *Он же*. Рукописные собрания Ярославского областного архива и Ярославского педагогического института // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 464–470; *Он же*. Описание коллекции рукописей ГАЯО XIV–XX вв. Ярославль, 1957; *Он же*. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Вып. 3. Ярославль, 1958; *Он же*. Коллекция книг кирилловской печати XVI–XVIII веков ГАЯО: Аннотированный каталог. Ярославль, 1986; Севастьянова А. А., Симицына Е. В., Федюк Г. П. Обзор коллекции рукописей и книг кириллической печати Ярославской областной библиотеки имени Н. А. Некрасова // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 255–261; Каталог памятников письменности Ярославской области. Вып. 1. Рукописные памятники Ростовского музея // Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 3–32; Каталог памятников письменности Ярославской области. Вып. 2: Рукописные памятники Ростовского музея (конец XVII – первая пол. XVIII вв.) // СРМ. Ростов, 1991. [Вып.] 2. С. 90–114; Материалы к реконструкции книжного репертуара Ярославля XVII в. (печатные издания) // Книжная культура Ярославского края – 2011: сборник статей и материалов. Ярославль, 2012. С. 35–60; Рукописные памятники ростово-ярославской книжности: методика взаимодействия столичного и регионального библиотечных центров по выявлению и описанию рукописей региональной книжно-рукописной традиции. Ярославль, 2011. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.): Каталог. Ярославль; Ростов, 2004; Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 годы): Каталог. Ярославль; Ростов; Рыбинск, 2009.

²⁰ См. об этом: Полознев Д. Ф. Приходской архив Федоровской церкви Ярославля XVII–XVIII вв. (Опыт реконструкции по материалам «Повести о ... церкви святого Николая Чудотворца, что на Пенье») // XV Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2011. С. 185–204.

²¹ Лествицын В. И. Книжка песен, бывших в употреблении в XVII столетии // ЯГВ. Ч. неофиц. 1854. № 41. С. 336–338.

²² Сообщение об этом было сделано автором настоящей статьи на Тихомировских чтениях в Ярославском музее-заповеднике в 2017 г. Интерпретация данного материала требует дополнительного исследования.

²³ См. об этом: Турилов А. А. Дополнения к историко-культурной хронике...

ется характер использования книги (вклад или владение), устанавливаются датировка записей и принадлежность храмам и/или частным лицам²⁴.

О грамотности конкретных лиц определенно свидетельствуют «авторские» сочинения, в которых прямо указаны их составители или переписчики²⁵.

Особое место среди источников занимают делопроизводственные документы. По ним устанавливаются грамотные лица, выясняется соотношение грамотных и неграмотных при осуществлении сделки, определяется вовлеченность людей в отношения, требующие грамотности. Подробнее об этом далее по материалам церкви Дмитрия Солунского.

Много текстов содержат иконописные изображения. Наверное, они говорят в пользу грамотности иконописцев и косвенно о грамотности заказчиков. Но, к сожалению, у нас мало данных об изготовителях икон и об их заказчиках для полноценного использования этого источника. К тому же отдельной проблемой выступает и датировка икон.

Сохранившиеся некоторые описи имущества и в частности книжных собраний косвенно говорят о грамотности владельцев²⁶.

Редкие случаи частной переписки²⁷ указывают на грамотность корреспондентов.

Таким образом, источники дают нам немало прямых и косвенных

²⁴ Многочисленные свидетельства см. в указателях к изданиям: Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.); Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 годы) — см. сноску 19.

²⁵ Подобные известия единичны, приведем некоторые из них. В 1603 г. дьячок Толгского монастыря Иван Диомидов сын Попов переписал Устав церковный (Турилов А. А. Дополнения... С. 25). В 1620 г. Георгий Евсевиев сын Комынин по заказу прихожан церкви Ильи Пророка составил сборник для вклада храм (Турилов А. А. Комынин (Камынин, Комонин) Георгий Евсевиев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2. СПб., 1998. С. 180–181). В 1636–1637 гг. священноиереем Ермил из Тверицкой слободы по заказу священника Дмитриевской церкви на посаде Герасима Силивестрова сына Попова переписал книгу «Лествица» (Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей... № 23). В 1668–1669 гг. «Дмитриевский поп» Иоанникий Иоаннов переписал «в Ярославле Большом» «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (Турилов А. А. Дополнения к историко-культурной хронике... С. 34). В 1685 г. головщик Толгского монастыря монах Василий переписал Сказание о явлении и чудесах от иконы Толгской Богородицы (Шабасова О. И. Ярославские сказания о чудотворных иконах в историко-культурной традиции края (XVII – начало XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. Л. 228).

²⁶ См. об этом: Смирнов Я. Е. Библиотека ярославских купцов Лыткиных ...; Полознев Д. Ф. Библиографическое исследование печатных книг из ярославской библиотеки Георгия Лыткина первой трети XVII в. // Библиография. 2013. № 1. С. 66–75. Полознев Д. Ф. К истории библиотеки ц. Ильи Пророка ... С. 119–141.

²⁷ Два письма преосвященного Ионы, митрополита ростовского и ярославского, и казначея его иеромонаха Вассиана, писанные в 1673 г. в Ярославль к священнику Дмитриевской церкви Иоанникию // ЯГВ. Ч. неофиц. 1850. № 4 (28 января). С. 33–35; Смирнов Я. Е. Библиотека ярославских купцов Лыткиных...; Полознев Д. Ф. Библиографическое исследование печатных книг... С. 66–75.

свидетельств грамотности отдельных лиц, но не дают более широкой и полной картины. Учет всех грамотных горожан и подсчет их итогового количества, хотя и весьма затруднительный, но все же возможный, вряд ли даст статистически верную картину о грамотности в целом опять же в силу ограниченности прямых известий. Предварительная количественная оценка грамотных людей указывает на ничтожно малую их долю в составе населения города, которое достигало максимума в 16–17 тысяч чел. Этот путь исследования на данном этапе не кажется перспективным.

Нам представляется, что для разработки гипотезы можно идти путем моделирования и экстраполяции. Основу такого подхода дает архив прихода Дмитрия Солунского. Исследователи уже не раз обращали внимание на его уникальный состав и сохранность²⁸. Он охватывает период 1579–1708 гг. и содержит около полутора сотен документов. Впечатляет их разнообразие. Это – благословенные грамоты; венечные памяти; рядные, променные, раздельные, вкладные, заемные и купчие записи; исповедные сказки; челобитные; поступные, проезжие, наказные, почеревные и погребальные памяти, отказные отписи и т.д. Конечно, следует понимать, что заголовки документам давали публикаторы, но вполне очевидно, что присвоенные названия отражают разнообразные и сложные отношения горожан, в первую очередь, имущественные и семейные. Эти известия относятся к области частной жизни, чем особенно ценны.

Лица, упомянутые в документах, представлены разными социальными идентификаторами: должностной статус (воевода, дьяк, митрополичий приказной, церковный староста), семейное положение (жена, вдова, сын, дочь), профессия или занятие (священник, татаурщик, площадной подьячий, сапожник, пушкарь и т.п.), правовой статус при оформлении сделки (продавец, покупатель, свидетель, поручитель), сословная принадлежность (посадский человек) и др.

Грамотность участников сделок зафиксирована вполне определенными формулами: «а подписал я», «запись делал», «запись записал», «написал», «писал», «подписал», «подписал ... своею рукою», «позади [купчей записи] подлинные руки», «руку приложил», «справил». В ряде случаев имеются указания на подпись в документе другого лица вместо участника сделки: «Вместо дочери своей духовной Мамелфы ... руку приложил», «По ево [Луки Власова] велению руку приложил» и др.

Нами выполнен подсчет грамотных и неграмотных участников сделки, а также тех лиц, кого можно считать грамотными предположительно

²⁸ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 132–144; Рутман Т. А. Храмосздательная деятельность митрополита Ионы в Ярославле // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 428–437; Она же. История церкви Дмитрия Солунского в документах // IX Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995). Ярославль, 2005. С. 51–58; Полознев Д. Ф. Приходской архив церкви Димитрия Солунского в Ярославле в XVII в. // Книжная культура Ярославского края: материалы научной конференции (Ярославль, 13–14 октября 2009 г.). Ярославль, 2010. С. 38–43.

с большой степенью уверенности. Из подсчета исключены лица, о которых из текста видно, что они не были участниками сделки (например, указано, что уже умерли или упоминаются в иной связи). Не учитывался ряд документов, где фигурирует только одно лицо. Обычно это либо вечные памяти, либо погребальные памяти, которые подписаны кем-то из митрополичьих служителей. К тому же тексты этих документов даны в кратком изложении.

В результате оказалось, что грамотных среди лиц, указанных в делопроизводственных документах, насчитывается 80 человек, неграмотных — 59, а 21 участника можно также отнести к грамотным.

Грамотность одних подтверждается тем, что они так или иначе подписывали бумаги в соответствии с указанными выше формулами. Предположительно грамотны: воеводы, священнослужители, митрополичьи и городовые приказные, площадные подьячие, для которых грамотность была необходимым условием исполнения их должностей, занятий или профессий. О некоторых из них есть известия в других источниках, не связанных с данным архивом.

Документы Димитриевского архива свидетельствуют об услугах грамотных лиц, некоторые из которых, судя по всему, занимались такой работой на постоянной основе (площадные подьячие и послухи). Они также позволяют определить те категории городского населения, среди которых следует искать грамотных лиц. Это: государственные и церковные чиновники, представители духовенства, посадские люди профессий, специализирующихся на составлении документов (площадные подьячие). Не отмечено среди грамотных женщин и детей. Последние, очевидно, еще не стали субъектами правовых отношений.

Соотношение грамотных и неграмотных жителей города можно также попробовать осуществить через выяснение состава семей.

Беглое знакомство с переписями города, где учитывались только лица мужского пола, показывает, что мальчиков в семье было в среднем два. Принимая априори примерное статистическое равенство лиц мужского и женского пола в единицу времени, можем считать, что и девочек в семье тоже в среднем было две. Таким образом, полная среднестатистическая городская семья состояла из 6 человек: 2 взрослых и 4 детей²⁹. Из них грамотными могли быть более вероятно члены семьи мужского пола и менее вероятно — женского. Если даже считать, что только один взрослый мужчина был грамотным, то соотношение грамотных и неграмотных в семье составит 1 к 6, т.е. примерно 17%. Этот вывод сходен с теми данными, которые приводятся о доле грамотного населения среди крестьян в XVII в., т.е. около 15%. Данный процент следует считать верхним порогом, и на данном этапе

²⁹ Данное соображение сделано с большим допущением, так как семья включала взрослых старших возрастов и других родственников (братьев, сестер, племянников и т.д.). Как было отмечено выше, вопрос о составе семьи требует самостоятельного исследования.

исследования он может служить лишь ориентиром для проверки гипотезы.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о грамотности населения Ярославля в XVII в., можем констатировать следующее.

Не подлежит сомнению наличие большого числа грамотных людей среди городского населения. Но установление их количества и уровня грамотности требует дополнительных исследований. В настоящий момент грамотные лица устанавливаются преимущественно единичными известиями, где прямо указывается на умение читать или писать или эти навыки проявляются в записях на документах. В составе грамотных определенно представлены лица из числа государственной и церковной бюрократии, духовенство, а также посадские люди «грамотных» профессий (площадные подьячие, писцы, послухи). Эти категории населения города можно в дальнейшем учитывать как условно грамотных, даже если в отношении некоторых конкретных лиц нет прямых подтверждений.

Дальнейшее исследование возможно на путях обработки имеющегося массива известий о жителях Ярославля XVII в. с присвоением каждому индекса вероятной грамотности, построения модели учета грамотных и неграмотных лиц в составе территориальной или социальной группы и экстраполяции этих данных на другие общности.